

ПАЦИФИЗМ

Die Standarte. 1925. 15 November.

В тихие ночи взгляни на звездное небо и постарайся погрузиться в те могучие теории западной мысли, согласно которым пылающий первотуман мечет в пространство миры, как снаряды, и круговорот систем в бесконечных временах удерживается в порядке ветровой игрой присущих ему сил, пока все это снова не распадется вихрящимся хаосом, таящим в своем огненном лоне новые миры. А потом загляни вооруженным глазом в мир одной-единственной водяной капли. Ты найдешь в ней те же законы напряжения и сочетания. Ты откроешь в ней существа светло-зеленые или стеклянно-ясные, движущиеся своими зыбкими, кружащимися трассами, пытающиеся овладеть своим пространством, высовывающие свои мельчайшие органы для нападения или защиты, когда им встречается нечто чуждое. Загляни в по-весеннему зеленеющий лес, кажется, олицетворяющий самое жизнь, и подумай о том, что каждое отдельное дерево, малейший стебель произрастает в ожесточенной борьбе за свет и питание. Закинь свою сеть в глубочайшие, темнейшие бездны моря, и ты извлечешь существа с гигантскими ртами, с прожекторами, выскивающими добычу, с щупальцами, чье назначение — захватывать ее и душить. Поставь перед собой любой предмет и уясни, что там, где этот предмет стоит, не может стоять никакой другой, что простым фактом своего существования предмет уже вынужден посягать на другие предметы, даже если это всего лишь воздух, вытесняемый, когда преодолевается его сопротивление, которого ты не замечаешь, но которое тем не менее существует.

А потом загляни в самого себя. Каждый твой шаг попирает самое жизнь. Каждая ложка пищи, проглоченной тобой, означает страдания и гибель живого существа, вытеснение и нарушение чужого права. Каждый взмах косы, каждый удар топора, опускающегося на бойне, направлен против жизни в целом. Ты боишься болезней и кипятишь питьевую воду; это значит, что ради собственной безопасности ты обрекаешь на

медленную мучительную смерть бесчисленные живые существа. Ты действительно заболеваешь, и врач впрыскивает противоядие тебе в кровь, так что разыгрывается решающая битва против армии бактерий. Или ты выздоравливаешь собственными силами: оборонительные вещества твоего тела уничтожили вторгшегося врага. Упрекаешь ты себя в этом? Пока ты живешь, ты осуществляешь право, и непререкаемое последствие этого — вытеснение права других, более слабых видов.

Каждая жизнь отличается от другой и уже потому воинственно противопоставлена другим жизням. В отношении человека к растениям и животным это обстоятельство выступает незамедлительно, что неопровержимо доказывает любой обеденный стол. Однако жизнь проявляется не только в борьбе видов между собой, но и в борьбе внутри каждого вида. Так, человек, когда бы и где бы то ни было, на войне или в мирное время, ведет непрерывную борьбу против другого человека. Какое бы место ни занимал отдельный человек, на какую бы ступень он ни поднялся, на каждом шагу происходит вытеснение других, даже если оно так же мало заметно, как вытеснение воздуха предметом, о котором только что шла речь. Верно говорят, что коммерческое предприятие — деньги других. За самыми как будто мирными учреждениями, как, например, за современной рекламой или за полицией, кроется неумолимая воля к борьбе. Законы, объединения, союзы, короче говоря, социальные контакты затаивают эту борьбу или делают ее менее заметной, но как остро ее оружие, знает каждый. Таковы же отношения государств между собой. Утверждать противоположное — значит измышлять жизненные единства, не подчиненные законам жизни. Это утопические конструкции теоретизирующих мозгов без плоти и крови. Можно было бы уйти от них, не тратя на них слов, чтобы факты говорили сами за себя, если бы не было необходимости непрерывно сверять данные рассудка с действительностью. Потому обнадеживает симптоматичное, пожалуй, для нового поворота во всех слоях появление в эти дни книги, автор которой, современный философ Фрайер¹, весьма остроумно доказывает, что все мероприятия политики сознательно или бессознательно нацелены на войну. Союзы, договоры, международные соглашения — все это щупальца, сяжки, поползновения абсолютной власти. И если недавно в «Симплиссимусе»² появилась картинка с подписью, что «до и после войны дипломаты имеют обыкновение вместе завтракать», это истина в стиле мрачного юмора.

Пушки не всегда ведут огонь, но в переговорах они всегда участвуют. Стоит здесь процитировать и Шопенгауэра с его притчей о сообществе дикобразов, которые обычно держатся друг от друга на расстоянии, пока сохраняется средняя температура, но такое отдаление и отграничивание обеспечиваются только иглами, направленными друг против друга, и чувствительными уколами.

Что внутри государства определяет социальный контакт, регулирующий напряжение между индивидуумами, то в отношении одного государства к другому осуществляет политика. Это азбучная истина, чью пригодность, как всегда, во времена великих потрясений, в наше время, интеллекту приходится подтверждать новыми постановками

¹ Фрайер Ганс (1887—1969) — немецкий социолог и философ. Автор книги «Государство» (1925).

² «Симплиссимус» — мюнхенский иллюстрированный сатирический еженедельник, издавался в 1896—1942 годах. Издание было возобновлено в 1954 году.

вопроса. Рецепты всякого рода, естественно, уже готовы и наготове. На великое целебное средство против напряжения внутри государства претендует коммунизм, за подобное средство против напряжения между государствами выдает себя интернационализм, а специальным средством против войны считает себя пацифизм.

То, что фронтовик не может быть пацифистом, само собой разумеется. Но долг фронтовика — присмотреться к пацифизму и занять позицию против него, ибо пацифизм нападает непосредственно на его внутренние устои. Прежде всего должно быть уяснено важное различие между миролюбием и пацифизмом. В принципе миролюбив каждый порядочный человек, и фронтовик не причисляет себя к буянам, чье особое удовольствие — подставлять под удары свой череп. Но пацифист признает мир своей высшей целью, а фронтовик полагает, что есть ценности, которые должно отстаивать всеми средствами и ради которых стоит принести любую жертву. Обе позиции проистекают из определенных волевых установок, и, естественно, обе воздвигают свое мировоззрение на фундаменте собственной воли. Может быть, лучше ввиду ограниченности пространства привести отрывок разговора, подобного множеству разговоров, которые ведутся в наше время.

А: Как можете вы называть меня вредителем? Или вы не видите, что я хочу лишь лучшего? Как вообще нравственные требования могут быть вредными? Требования, которые подтверждаются великими опасностями? Обратитесь только к истории; естественно, я подразумеваю подлинную, истинную историю человечества, историю разума и культуры, а не историю воинственного безумия, которое кровавым потоком тянется через времена и которым, к сожалению, в наших школах еще с детства отравляют мысль и чувства. И вы принадлежите к той безумной массе, из которой планомерно воспитывают пушечное мясо. Научитесь все-таки думать, попробуйте сбросить чары ваших врожденных предрассудков. Нравственный человек на марше. Раньше упорно и твердо верили, что бывают ведьмы, скачущие на метлах, как вы теперь верите, что должна быть война. Подумайте, это сыновья своих матерей и они должны стрелять друг в друга. Будьте честны, согласитесь, что в глубине души и вы чувствуете, что это безнравственность и варварство — убивать людей, ослеплять их и калечить, людей, один из которых вы.

В: Если бы я согласился с тем, что вы имеете в виду, я должен был бы признать себя преступником. Лично я на последней войне убивал людей, я считал это своим долгом и сегодня не упрекаю себя за это. Но мы не должны пользоваться при нашем разговоре изменчивым масштабом нравственных ценностей. Наше стремление к объективности почти столетие убеждает нас, что нравственность не абсолютна, что она, скорее всего, лишь функция весьма различных сил, завязывающая определенные изменчивые отношения с координатами, с людьми и временем. Они отстаивают идею, пацифистскую идею, и я полагаю, вы считаете ее более значительной и мощной, чем их собственную личность, и вы готовы принести за эту идею любую жертву и сделаете свои выводы, если государство начнет сурово карать за пацифистскую деятельность, на что хотелось бы надеяться, так как это в его доподлиннейших интересах. С другой стороны, сочли бы вы справедливым, если бы сторонникам войны воспрепятствовали силой в том, что вы называете безумием? Что ж, я в точно таком же положении, только идея у меня

национальная. Так что мы можем прекратить этот разговор, поскольку нечего ждать от него какого-либо результата.

А: Но, дорогой друг, отделаться от меня не так просто! Конечно, идея важнее и ценнее отдельного человека. Но только идея верная, а не запыленная и не изъеденная молью, как старые флаги, висящие в цейхгаузах. Вы же не потребуете, чтобы кто-нибудь согласился быть расстрелянным за идею Шеппенштедта?³ То, что вы называете национальной идеей, сегодня устарело, как устарела раздробленность на мелкие государства; это только препятствие для свободного передвижения, и прогресс его современных средств рано или поздно должен будет устранить это препятствие. Я готов согласиться, что нет абсолютной нравственности, что даже осуждение ведьм было необходимо в рамках средневекового пейзажа и войны имели свое оправдание, но сегодня мы больше не живем в Средневековье. Учитывая биологию, проследите, как жизненные единства сочетаются, образуя все большие комплексы. Соединенные штаты Европы — это биологическая необходимость; идея Лиги Наций — первый несовершенный шаг на пути к этой цели, ведущей, в свою очередь, к соединенным штатам земного шара. Учитывая далее экономику, подумайте о войне как о безудержном расходовании энергии, в конечном счете не приносящем самому победителю успеха, который хотя бы в малой степени соответствовал бы израсходованному капиталу, не говоря уже о других ценностях, поистине невозполнимых. Можете ли вы хоть одному человеку вернуть зрение? Нет, сегодня война уже просто невыгодна!

В: При всем желании не могу найти в идее нации что-либо устарелое, как и в идее семьи, которую просвещение давно уже пытается расшатать. Они говорят слишком рассудочно о кругах, в которых нужно родиться. Они должны учитывать, что для национального человека противостоять своей стране — все равно что для вас противостоять вашей матери или кому-нибудь связанному с вами чувством. Если затрагивать область биологии, вам следует признать биологический факт, подтвержденный во время последней войны многими миллионами мертвых из всех наций, ведущих войну.

А: Они пали за ужасную ошибку.

В: Ошибка или нет, факт неопровержим: человек любой нации со всем своим достоинством, всем своим существом был втянут в эту войну. Тоже факт: вашей постановкой вопроса вы обязаны этому событию, и Лига Наций, которую вы так приветствуете, была бы немыслима без предыдущей войны. Биологически борьба — форма жизни изначально. И если я чисто рассудочно могу представить себе единства, более обширные, чем нация, для меня совершенно немыслимо, чтобы они не были подчинены законам власти, всегда доходящей до крайних границ. Любая сила имеет смысл при наличии противоположности. И Лига Наций предусматривает войну в своих статутах, и если последует объединение всей земли, это приведет лишь к великому загниванию, как это было с Римской империей, когда никакая власть ей больше не противостояла. Состояние без напряжения и без борьбы — состояние без смысла. Возможно, в конце каждой культуры возвышается одна великая империя, но она возвещает именно конец. Вы видите в войне только уничтожение, а не

³ Речь идет, по-видимому, об идеях офицера и писателя Ганса Шварца (1890—1967) из Шеппенштедта, в Нижней Саксонии, призывавшего к усилению политической роли Остэльбии в немецком государстве.

рождение. И вопрос расходов не должен играть никакой роли; бывают вещи, для которых никакая цена не высока, даже высшая цена героической гибели!

А: Не говорите о героизме и личном мужестве! Их времена прошли. Читайте генерала фон Шёнайха; он, как старый солдат, должен понимать в таких вещах; его труд о войне 1930 года, из него вы узнаете, что прогресс технических средств, прежде всего газовая война, приведет к бессмысленному взаимному уничтожению, которого не сможет обрисовать никакая фантазия.

В: Я читал его, но не вижу, что общего у технического прогресса с нравственной позицией. Очевидно, каждая война ведется средствами своего времени; поколение, строящее машины, использует в борьбе свой технический арсенал. Поскольку война включает в себя возможность всеобщей гибели, также и в будущем невозможно предположить, что оглядка на ее ужасы, как бы велики они ни были, может удержать решительный народ. В области возможностей нет ничего такого, чего нельзя было бы ожидать от человека. Кроме того, если вы связываете прогресс пацифизма с прогрессом нравственного сознания, вы должны признать, что как раз прогрессивные народы слабеют перед менее прогрессивными. Сравните исполнительные функции Лиги Наций с подобными функциями полиции и объясните мне, почему полиция до сих пор не искоренила преступлений. Лига Наций собирается вести свои войны в сознании абсолютного права при соблюдении известного церемониала — но ведь к этому мы пришли уже в 1914 году!

А: Я вижу, вы безнадежно помешались на вашем милитаризме.

В: Я пытался не отступать от фактов.

А: Факты определяются духом.

В: Дух всегда осуществляется всеми средствами.

А: Так действует и пацифизм.

В: Так вы хотите объявить войну войне?

А: Да!

В: Вот слово, которое стоит выслушать.